

УДК 165

DOI 10.23683/2227-8656.2019.4.9

**ЭМПИРИЧЕСКИЙ
И ВСЕОБЩИЙ СУБЪЕКТ
В ГУМАНИТАРНОМ
ПОЗНАНИИ**

**EMPIRICAL
AND UNIVERSAL SUBJECT
IN HUMANITARIAN
COGNITION**

Алиев Мурад Русланович

Магистрант кафедры онтологии и теории
познания, факультет психологии
и философии,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Россия,
e-mail: havok0596@mail.ru

Murad R. Aliyev

Master's Student of the Department
of Ontology and Theory of Knowledge,
Faculty of Psychology and Philosophy,
Dagestan State University,
Makhachkala, Russia,
e-mail: havok0596@mail.ru

В статье анализируется динамика познания от эмпирического к всеобщему, трансцендентальному субъекту применительно к социально-гуманитарному знанию. Раскрываются субъектные метаморфозы в классической, неклассической науке и культуре, модерне и постмодерне. Показывается, что гуманитарное знание возвращает познавательный дискурс к эмпирическому и экзистенциальному субъекту. Но это не простое возвращение к классической науке, а утверждение в познании целостного субъекта, в единстве единичного, всеобщего, трансцендентального и экзистенциального.

Ключевые слова: субъект познания; эмпирический субъект; всеобщий и трансцендентальный субъект; социально-гуманитарное знание.

The article analyzes the dynamics of cognition from empirical to universal, transcendental subject in relation to social and humanitarian knowledge. The subject metamorphoses in classical, non-classical science and culture, modern and postmodern are revealed. It is shown, that the classical knowledge of cognitive discourse returns to the empirical and the existential subject. However this is not a simple return to classical science, but a statement in the cognition of the integral subject, in the unity of the individual, universal, transcendental and existential.

Keywords: subject of cognition; empirical subject; universal and transcendental subject; social and humanitarian knowledge.

Введение

Известно, что возникновение науки и философии связано с формированием субъектно-объектной парадигмы познания. Она не остается без изменений, а находится в непрерывной динамике, в которой и субъект, и объект познания наполняются новым содержанием. Во-первых, все три сменяющих друг друга исторических типа мировоззрения – мифология, религия и философия – являют собой разные ступени в выделении субъекта постижения мира. Во-вторых, серьезные субъектные метаморфозы непрерывно происходят и в самой науке. В-третьих, радикальные перемены в субъектном статусе связаны также с формированием гуманитарных наук. Об этих изменениях и пойдет речь в настоящей статье.

Субъект в различных научных картинах мира

Необходимо отметить, что три сменяющие друг друга научные картины мира, или, как часто говорят, типы научной рациональности – классический, неклассический и постнеклассический, представляют собой различные ступени на пути от эмпирического к всеобщему или трансцендентальному субъекту познания. До Нового времени в науке доминировал эмпирический субъект. А поскольку такой эмпирический опыт всякий раз был индивидуален и субъективен, в классической науке действовал принцип элиминации субъекта, требовавший освобождения от всего того, что связано с субъектом.

Классическая культура и философия, а затем и наука, начиная, пожалуй, с Декарта и Канта, показали недостаточность чисто эмпирического видения субъекта, и начался процесс выдвижения на передний план концепта всеобщего или трансцендентного субъекта познания.

В постнеклассической же картине мира, связанной со стратегией мультикультурализма, постмодернизма, синергетикой и определенным стиранием различий между естественными и гуманитарными науками, с метафорой «смерть субъекта» и т.д., происходит как бы обратный процесс возрождения эмпирического субъекта в познавательном дискурсе, интереса к ценностным основаниям и миру повседневностей человека. Но это не простое возвращение к прошлому, а «якобы к прошлому», как говорил Гегель, подразумевая под этим повторение в развитии некоторых внешних черт старого качества в новом.

Знаменитый М. Фуко, описывая отмеченную выше картину динамики гносеологического субъекта в истории культуры, выделяет три основные *эпистемы*: ренессансную, классическую и современную, ко-

торые соответственно состоят из трех *матриц субъектности*: пре-модерн, модерн и постмодерн (Фуко, 1977. С. 131).

В первой, ренессансной эпистеме еще нет четкого понимания субъекта и субъектности; появляются только некоторые предпосылки для их возникновения. Это в первую очередь проявляется в формировании антропоцентристского мировоззрения, в осознании человеком того, что он является уникальным и самобытным центром мироздания. Это был значимый шаг на пути формирования подлинного субъекта, отличного от античного космоцентризма и средневекового теоцентризма.

Классическая эпистема модерна, связанная с Декартом, Кантом, Гегелем, рационализмом в целом, в которой, собственно, и возникает определенная гносеологическая установка на субъект, формируется определенная модель субъекта – «субъект знающий», появление которого возможно только путем накопления знаний, информации о мире и человеке. Таким образом формируется трансцендентальный субъект как продукт абстрагирующей способности человека и продукт автономной, суверенной духовной жизни человека, который преобразуется в идею инструментального разума и человека как слуги Абсолютного духа. Коротко эта эпистема модерна была выражена в декартовском «Я мыслю – следовательно, существую».

В результате действия этой субъектной матрицы утвердился односторонний ратиоцентризм: умозрительное, рациональное в человеке стали признавать и развивать, а аффективное, чувственное, напротив, искоренять как мешающее подлинному познанию.

На смену классической эпистеме пришла современная постмодернистская, осуществившая своеобразную инфляцию всякой гносеологической и негносеологической субъектности. Такая неклассическая метрика предполагает децентрацию, расцентровку всякого мировоззрения, где субъектность человеческого я определяется лишь набором случайных, временных идентификаций субъекта (Лакан, 1999. С. 194). Это приводит к утрате субъектной целостности человека, кризису его идентичности.

Как отмечается в литературе, в ситуации постмодерна в обществе нет ясного и отчетливого понимания того, что есть я, чем детерминируются все основные проявления субъектности человека. Универсализация понятия «человек» превращает его в чистый концепт, лишенный реального содержания. Человек и человеческое не просто не совпадают, они исключают друг друга из системы власти и знаний, да еще так, что обычный человек, неспособный по разным причинам дотянуться

до абстрактной человечности, оказывается закрепощен этим человеческим и выброшен за его границы (Панкова, 2016. С. 36).

Так возникает модная в постмодернистской литературе тема смерти субъекта, имеющая множество смысловых граней. Она означает, прежде всего, девальвацию ценностного измерения человеческой субъективности, своего я. Такой субъект лишен своего устойчивого стержня и собственной идентичности. «Ибо, – как отмечает Э. Фромм, – он меняет свое я постоянно, исходя из принципа: “Я таков, каким ты хочешь меня купить”» (Фромм, 2010. С. 227).

Субъектные метаморфозы в гуманитарном познании

В какой мере эмпирический и трансцендентальный субъект присутствует в социально-гуманитарном знании? Часто представляет, что эффективная деятельность всеобщего субъекта возможна только в естественно-научном, логико-математическом и абстрактно-философском дискурсе, построенном на достаточно строгой и формализованной системе категорий, законов, правил вывода, понятных всему профессиональному тезаурусу. Социально-гуманитарное же знание, поскольку оно ценностно и мировоззренчески мотивировано, вообще не может продуцировано с позиции трансцендентного, всеобщего субъекта. Здесь действуют несколько иные критерии объективности, доказательности и истинности. Поэтому сфера социально-гуманитарного знания – это «епархия» единичного, эмпирического субъекта. Сразу в качестве доказательного аргумента приводят утверждения представителей Баденской школы неокантианства В. Виндельбанда и Г. Риккерта, согласно которым методология естественных наук построена на *номотетическом* методе – способе познания, ориентированном на познание общего, закономерного, тогда как гуманитарные науки построены на *идиографическом* методе, направленном на познание единичного, отдельных феноменов. Первый метод применяется с целью освободить познание от ценностных оценок; второй же – наоборот, с целью учета этих ценностных оснований поступков и действий субъектов.

Конечно, сказанное представителями Баденской школы имеет важный смысл, но его нельзя абсолютизировать. Хотя бы потому, что, во-первых, единичное и всеобщее не существуют изолированно друг от друга, а в диалектической взаимосвязи, где одно предполагает и одновременно отрицает другое. Во-вторых, любой метод существует и развивается в сложной и противоречивой диалектике субъективного и объективно, конечно же, при определяющей роли последнего. Субъек-

тивная сторона метода выражается не только в том, что на основе объективной стороны (познание закономерности реальной действительности) формулируются определенные принципы и правила тактики и стратегии познания. Каждый метод субъективен и в том смысле, что его носителем является отдельный человек или коллективный субъект, для которых данный метод собственно и предназначен. И, в-третьих, идиографический и номотетический методы нельзя противопоставлять еще потому, что любой метод не произволен, а вытекает из определенной теории. И, естественно, эффективность той или иной методологии прямо зависит от истинных характеристик теории. И наоборот, теория, отражая действительность, сама преобразуется в методологию, в совокупность принципов и правил познания.

Современная эпистемология постепенно отказывается от подобного жесткого разделения естественных и социально-гуманитарных наук. Новые тенденции пробивают дорогу и здесь. Возникает потребность переосмысления некоторых результатов трансцендентальной философии, выявить новые аспекты, виды и формы трансцендентальности. Такие новые формы трансцендентального проявляются в социально-гуманитарном знании. Этим самым обнаруживается оправданность полноценного включения социально-гуманитарного знания в эпистемологическое пространство, хотя необходимо отметить, что трансцендентальный и эмпирический уровни представлены в нем в несколько иных значениях и пропорциях, нежели в естественно-научном познании (Микешина, 2006. С. 49–67; 2010. С. 5–15).

Прежде всего, как отмечают исследователи, важнейшая специфика проявления субъектности в социально-гуманитарной сфере состоит в том, что трансцендентальный субъект *переводится из структур сознания в языковые, текстовые и семиотические сферы*. Это вытекает из обязательной текстуальной и знаково-символической природы гуманитарного знания. Взаимодействие между субъектом и объектом в социально-гуманитарном познании всегда носит опосредованный характер. В качестве посредника выступают различные источники, которые в большинстве случаев представлены текстами, знаковыми системами. М.М. Бахтин, говоря об этой особенности социально-гуманитарного знания, отмечает: «Текст является той *непосредственной действительностью* (действительностью мыслей и переживаний), из которой только и могут исходить эти дисциплины и это мышление. Где нет текста, так и нет объекта для исследования мышления» (Бахтин, 2000. С. 299).

Таким образом, получается, что в отличие от естествознания, где связь субъекта и объекта носит, как правило, двухфазный характер (от фактов к теоретическим абстракциям и наоборот), в социально-гуманитарном знании эта связь носит опосредованный, а потому как минимум трехфазный механизм. Такими опосредующими звеньями в социально-гуманитарном знании являются текстовые, исторические, археологические, знаковые и иные источники.

К.-О. Апель, говоря о появлении внеэмпирических измерений языковых форм, отмечает, что «соответствующая языковая игра, которая предполагает лишенное произвола употребление правил, получает у позднего Витгенштейна *трансцендентальное* значение» (Апель, 2001. С. 176). В данном случае речь как раз идет о необходимости расширения границ трансцендентального субъекта в гуманитарные сферы, являющиеся полигоном для всевозможных «языковых игр», без чего в обществе невозможны ни взаимопонимание, ни эффективная коммуникация.

Наряду с утверждением трансцендентального субъекта в качестве носителя гуманитарного знания происходят содержательное уточнение, конкретизация понятия эмпирического субъекта, снятие многих моментов неопределенности с него. Как замечает В.Н. Порус, с точки зрения трансцендентализма понятие эмпирического субъекта в социально-гуманитарном знании страдает «патологической двойственностью»: с одной стороны, существует потребность показать уникальность и неповторимость определенной картины мира; с другой – необходимо осуществить репрезентацию универсальной структуры я как основы для коммуникации (Порус, 1999. С. 96). Современная философия науки и эпистемология нуждаются в целостном понимании субъекта, свободного от крайностей эмпиризма и рационализма, материализма и идеализма, сенсуализма и априоризма. Для этого субъект из узкоориентированного, эмпирического или всеобщего, трансцендентального должен стать универсально организованным субъектом, включающим и логико-гносеологические, и когнитивные, и культурно-исторические, и экзистенциальные, и аксиологические, и другие измерения.

Поэтому речь должна идти не о двухуровневой, а многоуровневой структуре субъекта. Одним из удачных примеров такой многоуровневой структуры субъекта является вариант, предложенный К. Ясперсом в своей знаменитой работе (Ясперс, 1991). Он предлагает четыре таких уровня субъектности, которые конкретизируют традиционное разделение на эмпирического и всеобщего субъекта:

1) я, или субъект как природный, эмпирический индивид, обладающий определенной биологической и психологической матрицей, владеющий определенной пространственно-временной метрикой бытия, единством духовного и телесного;

2) трансцендентальный или всеобщий субъект. Это уровень «сознания вообще», вне определенной пространственно-временной метрики. В отличие от первого уровня, в которой человек действительно бытийствует, здесь он подобно виртуальной реальности только имеет гносеологическое значение;

3) целостное я как единство мышления, чувств и деятельности – «дух» в терминологии Ясперса. Этот дух, в отличие от вневременного и внепространственного «сознания вообще», обладает определенным пространственно-временным модусом. В этом аспекте последний сходен с первым уровнем – эмпирическим субъектом, однако он проявляет себя не только в телесности и фактичности подобно эмпирическому субъекту, но и в рефлексии знания, в самосознании. Таким образом, получается, что третий уровень – это своеобразная попытка диалектического синтеза эмпирического и всеобщего уровней субъекта;

4) субъект понимается как глубинное ядро личностной идентификации, ее экзистенции, включающей содержательно-бытийные характеристики человека. Поэтому он и называется экзистенциальным субъектом.

Ни один из отмеченных аспектов не должен абсолютизироваться, хотя в той или иной сфере он может быть представлен относительно автономно.

Заключение

Таким образом, становится очевидным, что для понимания специфики гуманитарного знания традиционное субъектно-объектное разделение познания, а также концепты эмпирического и всеобщего, трансцендентального субъекта в современных условиях оказались недостаточными эвристическими приемами, да и практически невыполнимыми. Из чистого сознания и мышления невозможно добраться до глубин человеческой телесности, подсознания, сверхсознания, и наоборот, от эмпирического субъекта до глубин сознания и самосознания. Только целостный подход к субъекту познания, построенный на диалектике единичного, трансцендентального и экзистенциального его уровней, только их совмещение обеспечат то единство сущности и существования, которое оставалось недоступным историко-философскому дискурсу в течение многих столетий.

Литература

- Апель К.-О.* Трансформация философии. М.: Логос, 2001.
- Бахтин М.М.* Автор и герой: к философским основаниям гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000.
- Микешина Л.А.* Трансцендентальное измерение гуманитарного знания // Вопросы философии. 2006. № 1. С. 49–67.
- Микешина Л.А.* Эмпирический субъект и категория жизни // Эпистемология и философия науки. 2010. № 1. С. 5–15.
- Лакан Ж.* «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/1955) / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Гнозис, 1999.
- Панкова Е.С.* Кризис картезианской парадигмы субъекта как «эпистемный» сдвиг // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 2 (26). С. 32–37.
- Порус В.Н.* «Конец субъекта» или пострелигиозная культура? // Разум и экзистенция. СПб., 1999. С. 92–98.
- Фромм Э.* Иметь или быть? / пер. с нем. Э.М. Телятникова. М.: АСТ: Астрель, 2010.
- Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977.
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Политическая литература, 1991.

References

- Apel', K.-O.* (2001). The transformation of the philosophy. M.: Logos.
- Bahtin, M.M.* (2000). Author and hero: To the philosophical foundations of the Humanities. SPb.: Azbuka.
- Mikeshina, L.A.* (2006). The transcendental dimension of human knowledge. *Voprosy filosofii*, 1, 49-67. (in Russian).
- Mikeshina, L.A.* (2010). The empirical subject and the category of life. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 1, 5-15. (in Russian).
- Lakan, Zh.* (1999). "I" in Freud's theory and in the technique of psychoanalysis (1954/1955). Trans. from French A. Chernoglazov. M.: Gnozis.
- Pankova, E.S.* (2016). The crisis of the Cartesian paradigm of the subject as an "epistemic" shift. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya*, 2 (26), 32-37. (in Russian).
- Porus, V.N.* (1999). "The end of the subject" or post-religious culture? *Razum i ekzistenciya*. SPb.
- Fromm, E.* (2010). To have or to be? Trans. from Germ. E.M. Telyatnikova. M.: AST: Astrel'.
- Fuko, M.* (1977). Words and things. *Arheologiya gumanitarnykh nauk*. M.: Progress.
- Yaspers, K.* (1991). Meaning and purpose of history. M.: Politicheskaya literatura.

Поступила в редакцию

14 мая 2019 г.